

И.В.Тункина

М.И.РОСТОВЦЕВ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МЕЖДУ РУССКОЙ И НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИЕЙ ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952) пришел в антиковедение, когда немецкая наука уже свыше полутора веков служила главным образцом для сложения и функционирования науки в Российской империи. На ранних этапах, с эпохи Петра Великого вплоть до середины XIX в. это влияние выражалось в приглашении западноевропейских, главным образом немецких, ученых в Академию наук и университеты России, а также в прямом перенесении знаний и научных методов. Практически все кафедры в Академии наук (до 1880-х годов) и русских университетах (до 1830-х годов) по классическим языкам и «древностям греческим и римским» были заняты этническими немцами². В 1860–1870-х годах русские гимназии были преобразованы в классицистском духе по образцу прусских гимназий, что дало импульс стремительному прогрессу и качественным изменениям научного знания, прежде всего в области антиковедения и других историко-филологических дисциплин.

К моменту поступления М.И.Ростовцева в Университет Святого Владимира в Киеве (1888) в России функционировала развитая национальная историко-филологическая школа, представители которой имели возможность совершенствовать образование в западноевропейских университетах. К рубежу XIX–XX столетий русское антиковедение окончательно «обрусело», полнокровно синтезировав достижения мировой классической археологии, филологии и древней истории³.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-00010). Статья по материалам доклада на круглом столе «L'Héritage germanique dans l'approche du décor antique», организованном CNRS и l'École normale supérieure (Париж, 23 ноября 2012 г.); см.: Тункина 2014

² Тункина 2002: 27–37, 42–50, 63–84, 90–97, 230–238, 383–390, 607–609; Фролов 2006: 438.

³ Фролов 2006, 115–436, 438–441.

В западноевропейской и американской науке с 1950-х годов сформировался стереотип, согласно которому основные идеи и концепции, сделавшие М.И.Ростовцева (Рис. 1) классиком мирового антиковедения, сложились уже после эмиграции ученого в 1918 г. из Советской России, так как именно в США он получил наиболее благоприятные условия для научной работы⁴. Изучение рукописного наследия⁵ и трудов, опубликованных М.И.Ростовцевым на основных европейских языках в русский период его жизни (1894–1918, 292 публикации⁶), убедительно опровергают эти искусственные историографические построения.

Русский этап биографии М.И.Ростовцева для большинства западноевропейских и американских специалистов до сих пор остается малоизвестным⁷, несмотря на появление двух фундаментальных трудов об ученом на русском языке под редакцией академика Г.М.Бонгард-Левина (1933–2008) – «Скифский Роман» (1997) и «Парфянский выстрел» (2003). Немецкий антиковед и знаток истории науки Хайнц Хайнен с грустью констатировал: «Во второй половине 19 в. российская наука достигла такого положения, которое было сравнимо с достижениями Европы того времени, но все же это оставалось не достаточно замеченным. Слишком высоким был тогда, как и сегодня, языковой барьер. [...] Работа над дореволюционным наследием идет в России полным ходом. Этот значительный успех на западе лишь едва заметен. *Rossica non leguntur*. Можно ли это высказывание отнести к современному миру и времени, позволяющим нам сблизиться друг с другом? Только представьте себе, что немецкая историческая наука признавалась бы лишь настолько, насколько она представлена на английском языке. Такое допущение, к сожалению, не совсем абсурдно. У него есть ужасающая сторона: немецкая историческая наука в кривом зеркале английского перевода. Именно в таком кривом зеркале воспринимаем мы русскую науку. И теряют при этом не только русские, но и мы»⁸.

Задача настоящей статьи – показать значение работ Ростовцева в области *античной археологии* Средиземноморско-Причерноморского региона, прежде всего античной декоративной живописи, и проследить корни его своеобразных взглядов на эту проблематику, которые сложились до 1914 г.

⁴ См., например: Н. М. L. 1953; Jones 1953; Welles 1956; Dow 1960; Momigliano 1966: 92.

⁵ Зуев 1997а; Тункина 1997а; 2008.

⁶ Зуев 1997с: 201–210; Зуев, Тункина 2003: 721–722.

⁷ Wes 1988; 1990, XIII–XXXI, 1–18.

⁸ Heinen 2010: 265, 266.

Рис. 1. М.И.Ростовцев

В 1890 г. М.И.Ростовцев перевелся из Университета Св. Владимира в Киеве на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В Киеве античной культурой он занимался у профессора Юлиана Андреевича Кулаковского (1855–1919), впоследствии избранного членом-корреспондентом Императорской Академии наук в Петербурге (1906)⁹. Как сверхштатный член Императорской Археологической комиссии, Ю.А.Кулаковский проводил рас-

⁹ Пучков 2004.

копки и изучал античную декоративную живопись Юга России¹⁰. Однако своими учителями в науке М.И.Ростовцев называл только двух человек – профессоров Фаддея Францевича Зелинского (1859–1944; Рис. 2) и Никодима Павловича Кондакова (1844–1925; Рис. 3)¹¹, с которыми он познакомился после перевода в Петербургский университет в 1890 г.

Блестящий филолог-классик и историк античности, поляк Тадеуш (Фаддей Францевич) Зелинский (Tadeusz Zieliński) получил образование в Филологическом семинаре Лейпцигского университета, поэтому был всецело ориентирован на немецкую науку. Он являлся профессором Петербургского университета, Петербургского историко-филологического института и Высших женских (Бестужевских) курсов. Как блестящий представитель культурно-исторического направления в русском антиковедении и известный популяризатор науки, Ф.Ф.Зелинский был избран членом-корреспондентом (1893) и почетным членом (1916) Императорской Академии наук, но так и не стал полным академиком. Ф.Ф.Зелинский не был склонен к дотошному препарированию фактов, рисуя картину античного мира широкими мазками с позиций «импрессиониста» в науке¹², строил масштабные концепции и стремился к увязке истории древнего мира с современностью¹³. Именно от него М.И.Ростовцев во многом унаследовал широту взглядов и дерзкую постановку проблем в области античной истории.

Главным учителем М.И.Ростовцева в кабинетной археологии стал специалист по античному и византийскому искусству, академик (с 1898) Никодим Павлович Кондаков. Последний, в отличие от Ф.Ф.Зелинского, был ориентирован на итальянскую и французскую науку. На протяжении всей жизни любимой страной Н.П.Кондакова была Италия, памятникам которой посвящены многие его книги. Научные заслуги русского ученого по изучению романского мира оценило и правительство Франции, наградив его в декабре 1916 г. орденом Почетного легиона 2 степени¹⁴.

В лекциях «архистратига» русской художественной медиэвистики Н.П.Кондакова, посвященным истории классического искусства, М.И.Ростовцев впервые услышал об археологии¹⁵, что во многом определило круг его собственных научных интересов. В семинаре Н.П.Кондакова при Музее древностей университета студент 3–4 кур-

¹⁰ Кулаковский 1891; 1896.

¹¹ Бонгард-Левин 1997: 46.

¹² Тункина 1997b: 84–85.

¹³ Фролов 2006: 312–318; Бузескул 2008: 260–261; Клейн 2011: 667–668.

¹⁴ Тункина 2001: 22.

¹⁵ Ростовцев 1924/2002: 211.

Рис. 2. Ф.Ф.Зелинский; © СПФ АРАН. Ф. 977. Оп. 1. Д. 36. Л. 1

Рис. 3. Н.П.Кондаков. Прага, 1924 г.; © СПФ АРАН. Ф. 729. Оп. 1. Д. 92. Л. 17

сов М.И.Ростовцев стал заниматься вопросами истории античного искусства и представил реферат с разбором помпеянских художественно-декоративных стилей¹⁶. Ту же тему он развил в выпускном историческом сочинении о Помпеях, задачей которого было «исправить и дополнить городскую помпеянскую хронику Ниссена¹⁷ по новейшим

¹⁶ Ростовцев 1924.

¹⁷ Речь идет о фундаментальной монографии немецкого антиковеда Генриха Ниссена (Heinrich Nissen; 1839–1912) о Помпеях (Nissen 1877). 15 лет спустя М.И.Ростовцев так оценил этот труд: «В 1877 г. гениальный Н. Nissen выпустил книгу *Pompeianische Studien*, перевернувшую все наши знания о Помпеях, поставившие их на совершенно новые базы. Книга эта, основанная на точном исследовании и изучении, результат гениальной работы двух корифеев Schöne и Nissen'a, не удовлетворила уже тогда глубокого знатока Помпей двадцатидевятилетнего Мау. Два года посвящает он ее разбору и в 1879 г. выпускает свои *Pompeianische Beiträge*. Книга эта возбудила в свое время много гнева и страстей. Ее находили мелочной и придирчивой. Но напрасно сердились. Книга Мау, как он не нападает на Ниссена, есть лучшая оправа для того драгоценного камня, которым я считаю *Pompeianische Studien*. Существование работы Ниссена Мау не затронул, но в целом ряде вопросов он отделил – и это было абсолютно необходимо – гипотетичное от несомненного, проверенное от сомнительного и в целом ряде пунктов довел выводы Ниссена до их реально-проверенного конца. Обе эти книги составляют одно целое, читать их надо вместе и обе в Помпеях, тогда поймешь и обоих авторов, поймешь и примиришь в высшем синтезе научной истины». Цит. по: Ростовцев 1909b, 32–33.

исследованиям и раскопкам». Совет историко-филологического факультета Петербургского университета удостоил это исследование М.И.Ростовцева золотой медали¹⁸.

Русская школа «фактопоклонников» Н.П.Кондакова

Учитель Ростовцева Н.П.Кондаков, дотошный эрудит и историк-исследователь, первоклассный знаток памятников Евразии, мировая величина в художественной медиэвистике рубежа столетий, стал создателем оригинальной научной школы. В его многолетнем неформальном семинаре – кружке «фактопоклонников» или «Свободной академии» (Рис. 4) М.И.Ростовцев воспринял стремление к строгому и точному знанию, внимание к форме и формальному вещеведческому анализу. В ходе совместных поездок по музеям и памятникам молодой ученый научился «смотреть и видеть»¹⁹ и понял главное для археолога – необходимость широчайшей археологической эрудиции для сравнительно-стилистического анализа памятников.

Рис. 4. «Свободная Академия». 70-летие Н.П.Кондакова (сидит в середине); М.И.Ростовцев с супругой крайние справа. Петроград, 1914 г.; @ СПФ АРАН. Ф. 192. Оп. 3. Д. 203

Классическая и древнехристианская археология в России на протяжении XIX – начала XX в. развивалась в традиционном и для западноевропейской науки ключе – с уклоном в сторону анализа художественных древностей. Археология понималась Н.П.Кондаковым как часть истории искусства, так как у них практически один предмет исследования, позволяющий ученым строить широкие выводы общеисторического, а не только художественно-эстетического характера. «Без архео-

логии в истории древности никуда не уйдешь»²⁰; именно из истории искусства археология заимствует методы кабинетной работы с источниками. По Н.П.Кондакову, без анализа артефактов нельзя проследить общие тенденции эволюции культур разных исторических эпох и взаимовлияние культур, синхронных друг другу.

Труды Н.П.Кондакова стали образцом исследований в области истории византийского искусства и давали богатейший материал не только для искусствоведческих оценок, но и для общих культурно-исторических реконструкций. Именно Н.П.Кондаков первым попытался реконструировать цельную картину истории России по данным памятников материальной культуры в шеститомной книге «Русские древности в памятниках искусства» (1889–1899)²¹ (первые три тома изданы во французском переводе графа И.И.Толстого под редакцией Соломона Рейнаха²²; Рис. 5). В этом труде Н.П.Кондаков впервые показал *последовательную смену культур* на территории Восточной Европы на протяжении тысячелетий, выявил их происхождение и взаимосвязи с цивилизациями Запада и Востока. Слияние двух или нескольких культур рассматривалось Н.П.Кондаковым как возникновение новых культур, отражающееся на эволюции материальной культуры. Результат такого слияния, по меткому определению Л.С.Клейна, напоминает химический сплав, который от составных компонентов отличается своими новыми свойствами²³. Для Н.П.Кондакова характерно отсутствие евроцентризма, причем европейская культура, по его убеждению, не является высшей ступенью развития человечества. Он понимал ценности культуры и искусства тех племен и народов, за которыми европейская наука его времени не признавала достижений и не считала нужным их изучать²⁴.

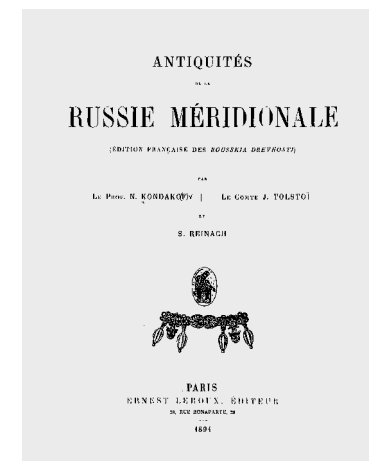

Рис. 5. Kondakof N., Tolstoy J., Reinach S. Antiquités de la Russie Méridionale. P., 1891. Титульный лист

²⁰ Ростовцев 1924: 25/2002: 213.

²¹ Толстой, Кондаков 1889–1899.

²² Kondakof, Tolstoï, Reinach 1891–1893.

²³ Клейн 2011: 657.

²⁴ Подробнее см. переписку Кондакова с учениками и коллегами 1917–1925 гг.: Тункина 2004: 650–652, 682, 685, 693, 697–698, 710, 724–726.

¹⁸ Зуев 1997b: 54.

¹⁹ Ростовцев 1924: 24/2002: 212.

Н.П.Кондаков стал родоначальником иконографического метода в искусствоведении, в основу которого была положена концепция *редакций*. Целью исследователя стало выявление *копий*, их возведение к *оригиналу* или *иконографическому типу*. Он призывал не только исследовать формы в их художественном образовании и историческом развитии, т.е. проводить сравнительно-историческое исследование стили памятников, но и изучать эволюцию их содержания во времени и пространстве. Иконографический тип в трудах Кондакова, по Л.С.Клейну, трансформировался в *археологический тип* – стилистический вариант внутри функциональной категории вещей. Задача исследователя – точное установление зависимости копий от оригинала, выявление генетических линий копирования, прослеживание влияний и заимствований в развитии иконографического типа, что давало точки опоры для датировки, хронологии и классификации памятников²⁵. Таким образом, понятие типа и формальная типология вошли в русскую археологию не из знаменитой работы шведского археолога Оскара Монтелиуса (1843–1921) о типологическом методе (1869), а из трудов Н.П.Кондакова. Не случайно именно Н.П.Кондаков на рубеже веков (1899) выступил с концепцией, названной теоретиком археологии Л.С.Клейном *комбиниционизмом*, который явился оригинальным вкладом русской науки в мировую археологию²⁶.

Благодаря Н.П.Кондакову *византийское искусство* предстало как комплекс памятников на обширных территориях Евразии, которое выросло из трех основных корней – из традиции эллинизма, греко-восточного искусства Малой Азии и земель Леванта вплоть до Египта и Кавказа, наконец, кочевнического искусства степной полосы от Причерноморья и Прикаспия до Средней Азии, Южной Сибири и Китая.

Носителями *культурных типов в контактных зонах* античности и раннего средневековья, по Н.П.Кондакову, были кочевнические народы Передней и Центральной Азии, Южной России, Сибири и Китая: «Кочевые народы принесли в Европу шаблоны древнеазиатских культур и сообщили их славянам и ближайшим германским народам. Эта восточная половина Европы варваризировала, в свою очередь, Византию и способствовала образованию характерной восточной, полуварварской культуры, которая лишь внешне влияла на западную романо-германскую»²⁷.

В первой трети XX в. идеи Н.П.Кондакова были подхвачены и развиты членами его «незримого колледжа» – прямыми и косвенными учениками, работавшими в области археологии, истории искусств,

антиковедения, византистики, востоковедения, истории России и Балканских стран и пр.– Б.В.Фармаковским, Я.И.Смирновым, Д.В.Айналовым, оказавшимся во Франции Андре Грабаром, представителями движения «евразийцев»²⁸, австрийским ученым Иосифом Стржиговским, англичанином Эллисом Миннзом и др. При этом следует подчеркнуть, что комбиниционизм получил детальную разработку в трудах эмигрировавших в Америку М.И.Ростовцева и Г.В.Вернадского (1887–1973).

М.И.Ростовцев особо отмечал, что «сила идей Никодима Павловича не столько в их свежести и глубине, а ...главным образом в том, что они выросли из широкого и детального знакомства со всей массой бесконечно разнообразных памятников, рассеянных по всему миру», что именно благодаря Н.П.Кондакову «мы поняли связь Византии и Возрождения»²⁹. Не случаен интерес современных ученых к фигуре и трудам Н.П.Кондакова: недавно найден и опубликован третий том его фундаментального труда «Иконография Богоматери», посвященный эволюции образа итальянской мадонны от средневековья до эпохи Возрождения³⁰.

Немецкий контекст

Личное знакомство М.И.Ростовцева с представителями немецкой науки, изучавшей памятники Средиземноморья, состоялось во время заграничных поездок и командировок. Летом и осенью 1893 г. 22-летний учитель Царскосельской гимназии М.И.Ростовцев на личные средства впервые приехал в Италию. С рекомендациями Петербургского университета, где он был «оставлен для приготовления к профессорскому званию» без стипендии, и своего учителя Ф.Ф.Зелинского М.И.Ростовцев приехал в Рим и познакомился с сотрудниками Римского отделения Германского археологического института, прежде всего со вторым секретарем Христианом Хюльзенем (Christian Hülsen, 1858–1935; Рис. 6). Молодой ученый подробно ознакомился с памятниками Рима и Помпей.

В Помпеях, превратившихся тогда в Мекку для археологов-античников, М.И.Ростовцев познакомился с «единственным знатоком» древнего города, скромным библиотекарем Римского отделения Германского археологического института Августом Мау (August Mau, 1840–1909; Рис. 7). А.Мау ежегодно проводил июльские десятидневные прогулки по Помпеям для ученых, педагогов и всех интересую-

²⁵ Klejn 1999; 2001; Клейн 2011: 660–661, 663, 665.

²⁶ Клейн 2011: 657–680.

²⁷ Тункина 2004: 693.

²⁸ Meyer 2009.

²⁹ Ростовцев 1997: 433.

³⁰ Foletti 2008; Kondakov 2011; Тункина 2013.

Рис. 6. Христиан Хюльзен, 1905

Рис. 7. Август Мау

щихся³¹ из разных стран с обсуждением их итогов, в которых дважды довелось участвовать М.И.Ростовцеву (Рис. 8). «В Помпеях Мау был *genius loci* и всякий, кто попадал туда, как бы естественно знал и почитал это местное божество [...] Город оживал, оживали площади, храмы, театры, бани, дома, оживали не в красочных полуфантастических картинах, не в образных фразах, а из сухого детального анализа кладки стен, из разбора наслоений крашеной штукатурки, разбора следов деревянных частей в кладке, сличения размеров той или иной архитектурной части, интерпретации той или иной часто незамеченной или неправильно до него прочитанной надписи... В этой деятельности анализа, строгости и мелочности наблюдения, математической верности реконструкции, в этой научности, которой дышало все в словах Мау, скрывалась та глубокая прелесть, которая немедленно зачаровывала всякого...» – вспоминал М.И.Ростовцев³². Экскурсии и лекции А.Мау оказали большое влияние на формирование научных интересов молодого русского ученого. «Учесть значение этих лекций для археологического развития молодых ученых может только тот, кто сам... принимал в них участие. Сила Мау была не в красноречии, не в живом изложении и образных картинах, а в удивительно тонком анализе Помпей... Из этого анализа, как живые, вырастали Помпеи не как

³¹ См. его путеводитель по Помпеям: Мау 1893.

³² Ростовцев 1909b: 30–31.

Рис. 8. М.И.Ростовцев (стоит в первом ряду крайний слева) и А. Мау (сидит в центре) среди участников археологической экскурсии по руинам Помпеи. Июль 1893 г.

фантазия, а как живая действительность, как подлинное воскресшее прошлое»³³.

Лучшей работой А.Мау М.И.Ростовцев считал «*Geschichte der decorativen Wandmalerei in Pompeji*»³⁴, где детально разработана и «доказана с математической точностью» теория четырех стилей в декоративной живописи Помпеи. «Бесформенная масса помпеянских декоровок, помпеянский так называемый стиль разбился на рубрики, связался с прошлым, отдельные эпохи вылились друг из друга, все приобрело стройный... вид, помпеянский стиль исчез, но осталась история античной декоративной живописи». Показанная Мау эволюция стилей «открыла глаза и на... эволюцию в декоративной живописи в эллинизме и в Греции, откуда Помпеи и Италия почерпнули свое декоративное добро». М.И.Ростовцев констатировал, что система А.Мау в своем главном останется непоколебимой навсегда, а если ей придет на смену другая, то только потому, что она «воздвигнется на фундаменте Мау и на его методе строгого анализа схемы, красок, орнаментов»³⁵.

³³ Ростовцев 1909а: 280.

³⁴ Мау 1882.

³⁵ Ростовцев 1909а: 281.

В трех больших книгах А.Мау о Помпеях³⁶, ставших «шедеврами по мастерскому анализу и точности старого метода», писал М.И.Ростовцев, «скромный Hilfsarbeiter немецкого института... вложил столько любви и знания, столько труда и энергии, столько упорства и неустранимости, что для тех, кто их знает, скромный по своему официальному положению ученый подымается в первые ряды научных деятелей»³⁷.

Благодаря А.Мау Помпеи на протяжении всей жизни оставались любимым памятником М.И.Ростовцева (Рис. 9) и предметом научного интереса – именно им посвящены как его первая научная публикация (1894), так и ряд других работ по античной декоративной живописи (Рис. 10)³⁸.

Рис. 9. М.И.Ростовцев (во втором ряду крайний слева) и А.Мау (сидит в центре) среди немецких исследователей Помпеев [1895–1898 гг.]

С марта 1895 по август 1898 г. М.И.Ростовцев был командирован Петербургским университетом в Западную Европу для подготовки магистерской диссертации. Богатейший материал о контактах

³⁶ Мау 1879; 1882; 1900.

³⁷ Ростовцев 1909b: 33, 34.

³⁸ Ростовцев 1894; 1896; 1910; 1917; Rostowzew 1904; 1911; Rostovtzeff 1919.

Рис. 10. М.И.Ростовцев (сидит в центре с собакой) и А.Мау (шестой слева) среди немецких археологов. Forum Romanum. [1895–1898 гг.]

М.И.Ростовцева с западноевропейскими коллегами в этот период представляют его письма коллегам в Петербург. Молодой ученый сначала побывал в Константинополе, затем в Афинах, а в мае – начале июня 1895 г. принял участие в «островном путешествии», организованном директором Афинского отделения Германского археологического института Вильгельмом Дёрпфельдом (Wilhelm Dörpfeld, 1853–1940; Рис. 11). В.Дёрпфельд считается основоположником методики послойного исследования строительных остатков в классической археологии. Точности фиксации и наблюдений в полевой археологии XIX в. не было ни у одного археолога, за исключением В.Дёрпфельда, проводившего раскопки послойно и широкими площадями в Олимпии, Афинах, Микенах, Тиринфе и на холме Гиссарлык (1893–1894). Эта методика была воспринята его русскими слушателями – М.И.Ростовцевым и Б.В.Фармаковским.

На острове Делос М.И.Ростовцев изучал конструкцию частных домов и пришел к выводу, что они

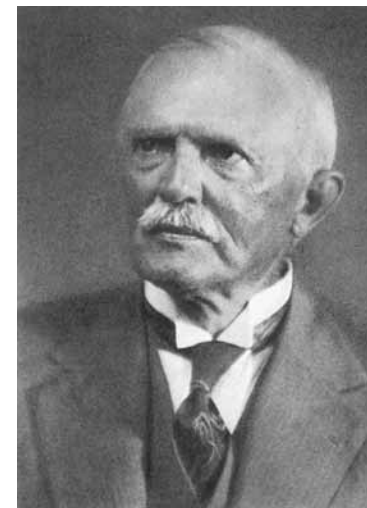

Рис. 11. Вильгельм Дёрпфельд

очень напоминают помпеянские, отличаясь только устройством атриума, а их декор следует относить к древнейшей форме первого помпеянского стиля конца или середины II в. до н.э. Затем путешественники посетили города Малой Азии, прежде всего Трою. Важнейшей частью поездки сам М.И.Ростовцев считал лекции В.Дёрпфельда по стратиграфии городища на холме Гиссарлык.

Возвратившись в Афины, М.И.Ростовцев слушал в местных музеях лекции второго секретаря Афинского отделения Германского археологического института проф. Пауля Вольтерса (Paul Wolters, 1858–1936) об античной скульптуре и вазовой живописи. В июле 1895 г. в сопровождении русских профессорских стипендиатов, большинство из которых являлось учениками Н.П.Кондакова, М.И.Ростовцев совершил 15-дневное путешествие по Пелопоннесу для знакомства с результатами археологических раскопок немецких коллег³⁹.

В августе 1895 г. М.И.Ростовцев переехал в Италию, где продолжил археологическое обследование памятников Рима и Помпей и работал в Римском отделении Германского археологического института. Из Рима вплоть до конца октября 1895 г. он совершал регулярные поездки в Помпеи к А.Мау, где изучал открытый в 1894–1895 гг. Дом Веттиев, богато декорированный фресками. В Риме М.И.Ростовцев близко познакомился и даже подружился с немецкими учеными, работавшими в Римском отделении Германского археологического института – историком искусства Вальтером Амелунгом (Walter Oskar Ernst Amelung; 1865–1927; Рис. 12), первым секретарем Римского отделения ГАИ Германом Петерсеном (Eugen Adolf Hermann Petersen; 1836–1919) и многими другими учеными (Рис. 13–15). Вместе с Паулем Вольтерсом М.И.Ростовцев изучал расписные гробницы и местный музей в Корнето. «Если бы не случайность, что я здесь близко сошелся с немцами, то хоть с голоду помирай (у меня теперь в бумажнике ровно 3 лиры – не раскрутишься)», – сообщал М.И.Ростовцев своему другу и коллеге С.А.Жебелёву в письме из Рима 6 августа 1895 г.⁴⁰ В следующем письме он дает характеристику «превосходной компании» немецких коллег, в обществе которых он «разучивается говорить по-русски»: «И работать эта компания не мешает, так как сами они работают здорово... <...> И странно, что хорошие немцы совсем не чуждаются французов, напротив, лучшие друзья, в компании, конечно, о политике ни слова, да мало ли у нас общих интересов и без политики...» (письмо от 22 августа 1895 г.)⁴¹.

³⁹ Зуев 1997b: 56; Тункина 1997с: 371–374.

⁴⁰ Тункина 1997с: 375, № 3.

⁴¹ Тункина 1997с: 376, № 4.

Рис. 12. Вальтер Амелунг

Рис. 13. М.И.Ростовцев на крыше Римского отделения Германского археологического института. Капитолий, Рим, 1895 г.

Рис. 15. М.И.Ростовцев (пятый справа) среди немецких исследователей в Римском отделении Германского археологического института. [1895 г.]

Рис. 14. М.И.Ростовцев и В.К.Мальмберг на крыше Германского археологического института. Капитолий, Рим, 1895 г.

В ноябре 1895 – марте 1896 г. в Венском университете один неполный семестр М.И.Ростовцев прослушал курс по археологии немецкого антиковеда Отто Бенндорфа (Otto Benndorf; 1838–1907) и курс латинской эпиграфики австрийского эпиграфиста, ученика Т.Моммзена Евгения Бормана (Eugen Ludwig Vogmann; 1842–1917; Рис. 16). Е.Борман показался русскому ученому «идеалом учителя»: «Я еще не видел человека, который бы так много отдавал времени своим ученикам и при этом так много сам работал. Не скажу, чтобы он был ученый очень широкий, но в области римской истории и эпиграфики, особенно в

отделе фактическом, он один из очень и очень немногих»⁴². Судя по письмам, в Вене М.И.Ростовцев сильно бедствовал и из-за отсутствия средств питался одними каштанами и сосисками, но умудрился совершить ряд экскурсий по античным памятникам Австро-Венгрии.

Вернувшись в Вечный город, куда «вели все дороги», М.И.Ростовцев вновь с удовольствием дышал «воздухом Форума и института». Тесное научное общение с немецкими коллегами не прошло даром – в 1898 г. М.И.Ростовцев был избран членом-корреспондентом Германского археологического института. После возвращения в Россию, в 1899 г. М.И.Ростовцев стал приват-доцентом Петербургского университета и в том же году защитил магистерскую диссертацию (Рис. 17), а уже в 1903 г. – докторскую, после чего был избран экстраординарным, а в 1908 г. ординарным профессором.

Рис. 16. Е.Борман

Рис. 17. М.И.Ростовцев. 1899 г.

Очередные поездки русского ученого в Рим, Неаполь, Помпеи и Геркуланум в 1901, 1903, 1905–1910 гг. были вызваны необходимостью фотографирования античных памятников и фресок для иллюстрирования новых исследований. К этому времени А.Мау уже скончался – последний раз М.И.Ростовцев гостил у него в Помпеях в 1907 г. Русский профессор значится в числе лиц, внесших пожертвования на памятник, установленный в его честь в Помпеях в 1913 г.⁴³

⁴² Тункина 1997с: 380, № 9.

⁴³ Зуев 1997b: 62, 78, примеч. 32.

Работа в Римском отделении Германского археологического института сблизила М.И.Ростовцева с профессором Берлинского университета Ульрихом Вилламовицем-Меллендорфом (Ulrich von Willamowitz-Möllandorf; 1848–1931; Рис. 18), который еще в 1901 г. предрек, что со временем молодой русский ученый станет первым историком мира⁴⁴. М.И.Ростовцев в 1900–1910-х годах завязал научные

Рис. 18. Ульрих фон Вилламовиц-Мёллендорф

⁴⁴ Зуев 1997b: 79, примеч. 43.

связи со многими из немецких и австрийских коллег на международных археологических и исторических конгрессах в Риме (1903), Афинах (1905), Берлине (1908), Лондоне (1913) и во время практически ежегодных вакационных поездок за границу. «Пребывание в Европе – особенно в Германии – на меня действует всегда удивительно. Всегда возвращаешься с целым запасом всяких тем, мыслей и желаний», – писал М.И.Ростовцев С.А.Жебелёву 16 августа 1904 г.⁴⁵ Во время визитов в Италию обязательным пунктом посещения оставалось Римское отделение Германского археологического института (Рис. 19)⁴⁶. Так, летом 1910 г. М.И.Ростовцев общался с исследователем античной декоративной живописи Геркуланума и Помпей, первым секретарем Германского археологического института Вольфгангом Хельбигом (Wolfgang Helbig; 1839–1915). В письмах к С.А.Жебелёву он хвалил первого секретаря Римского отделения ГАИ Рихарда Дельбрюка (Richard Delbrueck; 1875–1957) за комплектование библиотеки русскими книгами, по его оценке, ставшей одной из лучших специальных археологических библиотек мира⁴⁷.

Рис. 19. М.И.Ростовцев (слева) на крыше Германского археологического института. Капитолий, Рим, 1906. (по: Скифский Роман)

⁴⁵ Тункина 1997с: 402, № 37.

⁴⁶ Подробнее см.: Marcone 1988; 1992; 2008; Marcone (ed.) 1999; Виноградов 1995.

⁴⁷ Тункина 1997с: 406, № 44.

Результаты многочисленных поездок в Европу нашли отражение в статьях М.И.Ростовцева по топографии и архитектуре Рима, о новейших раскопках в Италии («Археологическая хроника римского Запада») и в ряде специальных монографий и статей, в том числе в области изучения декоративной живописи Египта и Помпей эллинистической и римской эпохи⁴⁸. Главным из них стало исследование «Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж»⁴⁹. Выводы М.И.Ростовцева, испытавшего не только влияние А.Мау, но и Н.П.Кондакова, сводятся к следующему: пределы фантазии в помпеянском пейзаже ограничены и держатся в рамках иллюзионистической передачи как мотивов окружающей природы, так и пришедших извне пейзажных и архитектурных оригиналов; помпеянский пейзаж передает типы реальной эллинистической архитектуры; помпеянские ландшафты вилл дают поразительные аналогии с италийскими и провинциальными виллами, а также постройками сакрально-гробничного характера.

Появление целой серии авторитетных работ в области археологии Средиземноморья в немецко- и франкоязычных журналах создали М.И.Ростовцеву репутацию ученого первого ранга не только на родине, но и за рубежом. За свои научные заслуги ординарный профессор Петербургского университета М.И.Ростовцев в 1908 г. был избран членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, а в 1914 г. – членом-корреспондентом Прусской АН в Берлине. Но начало Первой мировой войны привело к разрыву теснейших связей М.И.Ростовцева с немецкой наукой, которые были возобновлены лишь в середине 1920-х годов, уже в американский период его жизни.

Исследования М.И.Ростовцева до Первой мировой войны как результат синтеза достижений русской и немецкой археологии

С 1890-х годов благодаря членству в Императорском Русском археологическом обществе и Императорской Археологической комиссии М.И.Ростовцев был вовлечен в проблематику исследований о древностях Северного Причерноморья. Еще в 1845 г. в России была издана книга директора Керченского музея древностей А.Б.Ашика о керченской катакомбе, расписанной фресками⁵⁰. На рубеже веков Ю.А.Кулаковский опубликовал исследование о росписи двух керченских катакомб⁵¹. Эту публикацию своего учителя по киевскому уни-

верситету М.И.Ростовцев посчитал «полностью негодной» и откликнулся на нее достаточно резкой критической статьей⁵².

К началу XX в. стали известны десятки памятников античной декоративной живописи, которые из-за языкового барьера были практически неизвестны европейским ученым. М.И.Ростовцев, вооруженный знаниями и кругозором, полученными в «кружке фактопклонников» Н.П.Кондакова и теорией А.Мау об эволюции помпеянской живописи, при финансовой поддержке Императорской Археологической комиссии сам приступил к изучению памятников юга России⁵³. Художник Мстислав Владимирович Фармаковский (1873–1946), младший брат археолога Бориса Владимировича Фармаковского (1870–1928), скопировал для М.И.Ростовцева все сохранившиеся к началу XX в. остатки античной декоративной живописи. Для анализа этого огромного материала нужно было изучить живопись эпохи эллинизма и материалы памятников периода после гибели Помпей, следовательно, выйти за хронологические рамки четырех стилей, выделенных А.Мау.

В 1913–1914 гг. Императорская Археологическая комиссия издала фундаментальный труд М.И.Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России» (Рис. 20), который автор посвятил своему учителю – Н.П.Кондакову⁵⁴.

Главная заслуга М.И.Ростовцева состояла в систематизации забытого, сырого и малоизученного материала и в кардинальном пересмотре итогов его изучения предшествующей историографией⁵⁵. Автор реконструировал историю античного искусства на юге России на протяжении свыше тысячи лет – с IV в. до н. э. вплоть до IV–V вв. н. э. На основе анализа архивных материалов М.И.Ростовцев сумел локализовать местоположение давно открытых, но впоследствии забытых и утраченных для науки па-

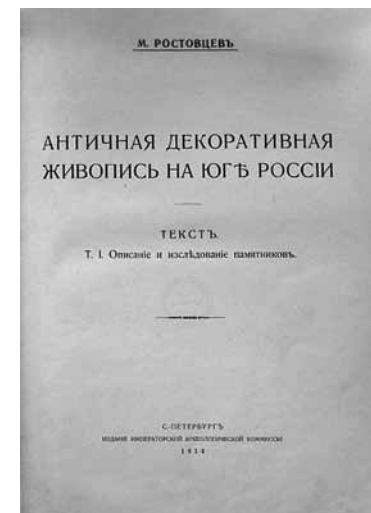

Рис. 20. Ростовцев М.[И.] Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. Т. 1. Титульный лист

⁴⁸ Ростовцев 1894; 1896; 1917.

⁴⁹ Ростовцев 1910. Немецкая обработка: Rostowzew 1911.

⁵⁰ Ашик 1845.

⁵¹ Кулаковский 1896.

⁵² Ростовцев 1897.

⁵³ Ростовцев 1906.

⁵⁴ Ростовцев 1913–1914. Фр. пер.: Rostovtzeff 2003.

⁵⁵ Minns 1915.

мятников. Путем кропотливого анализа античной нарративной традиции, эпиграфики, нумизматики и данных археологии (включая всю совокупность материалов погребальных комплексов и деталей декоративной живописи) ученый впервые создал схему развития живописи на юге России и установил общие принципы декорирования погребальных склепов. Материалом исследования послужила практически исключительно роспись погребальных склепов, так как станковые картины до нас не дошли, а фрагменты росписи жилых домов Пантикапея сохранились в единичных экземплярах. Для подтверждения своих выводов М.И.Ростовцев привлек многочисленные аналогии из других регионов античного мира – Греции, эллинистического Востока, Италии и пр., т.е. практически всей эллинистической и римской ойкумены. Труд М.И.Ростовцева открыл неизвестный ранее ученым «культурный мир» и стал исследованием по истории античной декоративной живописи в целом, а не только памятников Северного Причерноморья.

Ученый выделил следующие эпохи или стили росписи склепов на Боспоре:

1. «Исодомный» раннего эллинизма («допомпеянский», с конца V до начала II вв. до н.э.)⁵⁶, подражающий росписи стен жилых домов в раскраске и разбивке стены на части. Стены были первоначально глинобитными, с горизонтальными балками посередине, затем – с мраморными квадрами внизу и легкой кладкой сверху. Согласно Ростовцеву, *первый помпеянский стиль А.Мау* стал дальнейшим развитием «исодомного», где раскраска стены под мрамор превращается в инкрустацию, в подражание стене, обложенной кусками мраморов в виде геометрических фигур. М.И.Ростовцев доказал, что декор гробниц является подражанием декору стен дома, а эволюция росписи гробниц тесно связана с развитием структуры стены дома в Греции (например, на о. Делос) и на Востоке. К этому стилю ученый отнес росписи склепов курганов Большой Близницы (с ионийской росписью прямо по камню), склепа Васюринского кургана, кургана Карагодеуашх, склепа 1908 г., открытого Н.И.Веселовским в 8 верстах от Анапы, склепа 1867 г. и фрагментов расписной штукатурки, найденной в Пантикапее.

2. «Псевдо-исодомный» эпохи позднего эллинизма (II и первая половина I в. до н.э. вплоть до первой половины I в. н.э.)⁵⁷, который сохранял принцип подражания кладке стены, но не особенно строго, и постепенно отступил от него, позволяя заполнять полосы квадров живописными изображениями растений, животных и человека. Он

⁵⁶ Ростовцев 1914: 10–136.

⁵⁷ Ростовцев 1914: 137–198.

смешивал элементы и разнообразил гладкую поверхность натуралистическими картинками. Стилистику изображения человека в этом стиле М.И.Ростовцев определяет как «*эллинистический иллюзионизм*» со следующими признаками: умение схематично зафиксировать движение фигур и передать общее впечатление о нем; условность красок, далекая от пленэризма, условный типический реализм в изображении пейзажей и фигур. На Боспоре в склепах этой эпохи представлены как пейзажи, так и целые группы фигур – сцены похищения Деметры, фигуры гениев, женщин и пр. Однако условный реализм сцен не переходит в римскую портретность. Гамма красок, сначала бедная и суровая, становится все более нежной и богатой, с типичными для позднего эллинизма нежными тонами красок – розового, голубого, светло-желтого и их оттенками.

Эллинистический условный иллюзионизм использовался в вазописи, надгробных стелах, в росписи делосских домов. Впоследствии именно он получил развитие в жанровых картинах и фризах росписей в Помпеях и в живописи ранних христианских катакомб.

Ярким примером псевдо-исодомного стиля является Склеп пигмеев, открытый Д.В.Карейшей в 1832 г. на покатоги горы Митридат под Керчью, – первый расписной склеп на юге России, ставший известным науке, но изданный лишь в 1853 г. в черно-белых литографиях. К тому же стилю относятся керченские склепы, открытые в 1852, 1867, 1877, 1878, 1891 гг.

3. Три стиля «эпохи римского императорского времени» и римско-го протектората на Боспоре:

1) *цветочный* (или *ковровый*)⁵⁸ характеризуется заполнением больших пространств стен и плафонов изображениями лепестков цветов, букетов, гирлянд и птиц. Архитектурное деление стены, тем более плафонов, отсутствует. Изображения фигур демонстрируют варварскую архаизацию, регресс, неспособность художников изобразить движение. Однако исполнение голов фигур с «глубокими, горячими глазами» демонстрирует экспрессию грубой, но патетической живописи. Если изображения фигур в этом стиле слабы, то орнаментальная сторона декора безупречна. К этому стилю автор отнес шесть склепов.

М.И.Ростовцев выдвинул предположение, что, скорее всего, *цветочный стиль* пришел в Северное Причерноморье из его родины – Египта, но не напрямую, а через Сирию.

2) *инкрустационный стиль*⁵⁹ характеризуется украшением стены мраморными квадрами, куда инкрустированы вставки из геомет-

⁵⁸ Ростовцев 1914: 199–259.

⁵⁹ Ростовцев 1914: 260–282.

рических фигур, которые составлены из разноцветных мраморов. К нему М.И.Ростовцев отнес четыре склепа и фрагмент, открытый в 1905 г., – плиту, покрытую росписью;

3) *смешанный* стиль (взаимодействие цветочного и инкрустационного стилей) использовал *инкрустацию* для нижней части, а *цветочный* – для верхней части стены и плафона⁶⁰. В смешанном стиле взаимодействовал тяжелый, но блестящий стиль, пришедший из Кари и, легкий цветочный. На взгляд М.И.Ростовцева, художественные ионийские шаблоны со временем оказались забыты местными ремесленниками.

Памятники смешанного стиля оказались самыми богатыми на Боспоре – три склепа, римские саркофаги и скульптура на входной стене склепа. Среди них склеп А.Б.Ашика 1841 г. (впервые опубликован в черно-белых литографиях в 1845 г.⁶¹, архивные оригиналы акварелей Стефанского до сих пор не обнаружены) и склеп В.В.Стасова (1872). Пышность погребений нашла отражение в богатой мраморировке, в цветочных плафонах и в массовых сценах, изображающих конный бой, пеших воинов, бытовые и религиозные сцены. В этих сценах, по М.И.Ростовцеву, поражает «обстановочный реализм» и художественная беспомощность ремесленников, исполнявших росписи: изображения животных получались лучше, чем человеческие фигуры, переданные с еще большим схематизмом, чем в инкрустационном стиле. При этом ученый подчеркнул преобладание этнографически-бытовых сюжетов над религиозными, что свидетельствует о реализме изображений, о сильном влиянии «иранских» черт варваризованного местного населения в эту эпоху.

4. Последняя эпоха искусства на Боспоре – эпоха крайнего упадка техники стенной живописи. Она связана с появлением *геометрического* (или *геометризирующего*) стиля⁶². Его основные признаки: раскраска без штукатурки, прямо по грунту скалы, крайняя примитивность и варварский характер сюжетов, бедность красочной гаммы (красная, синяя и черная краски), обеднение и упрощение орнамента, сведенного к простейшим линиям вплоть до треугольников, точек и зигзагов. Стиль характерен бордюрами из зигзагов или треугольников между двумя параллельными линиями. Схематичными и безобразными становятся фигурки кораблей, людей и животных, что свидетельствует об угасании искусства в позднеантичном Боспоре. К геометрическому стилю Ростовцев отнес восемь склепов, открытых в Керчи с 1873 по 1912 г.

⁶⁰ Ростовцев 1914: 283–375.

⁶¹ Ашик 1845.

⁶² Ростовцев 1914: 401–434.

В разделе об Ольвии и Херсонесе М.И.Ростовцев издал материал, никем ранее не изученный⁶³. Особое место в искусстве Северного Причерноморья занимает христианская живопись склепов *Херсонеса Таврического* IV–V вв. н.э., на взгляд ученого, не имеющая тесной связи с античной живописью эллинистическо-римского периода Херсонеса и живописью Боспорского царства. Это склепы 1894 (с языческой росписью), 1903, 1904, 1905, 1907, 1909, 1912 гг. М.И.Ростовцев выводит их истоки не из Византии, а из Сирии и Палестины, при этом отрицая влияние местных античных традиций. Автор дает ему характеристику как смешанному цветочно-инкрустационному стилю, характерному для христианского Востока, приводит аналогии с живописью катакомб, найденных вне Рима – в Неаполе, Сиракузах, на севере Африки, на Востоке и по всему древнеримскому миру.

Фундаментальный труд М.И.Ростовцева стал ценнейшим вкладом русской науки в общеевропейскую антиковедческую литературу. Его выводы и огромный новый материал, введенный в научный оборот, вызвал переворот в области исследования античной декоративной живописи, показал его истоки, эволюцию и гибель, открыл новые страницы древней истории Северного Причерноморья, осветил античное искусство и различные стороны жизни античного мира в целом. Значение этой работы для современной науки подтверждает ее французский перевод, изданный по инициативе и под редакцией А.Барбе уже в новом тысячелетии⁶⁴.

Парадокс состоит в том, что должная охрана погребальных склепов Боспора не была организована, и сегодня, по прошествии сотни лет после появления труда М.И.Ростовцева, местоположение подавляющего большинства из них неизвестно: в Керчи доступен только один склеп из приблизительно 20 склепов, исследованных в XIX в., – склеп Деметры. Другие бесценные для науки памятники, столь важные для понимания особенностей культурно-исторического развития Боспора, из-за социально-политических и военных катаклизмов, пережитых Россией-СССР в XX в., оказались утрачены.

Введенные М.И.Ростовцевым в научный оборот архивные материалы Императорской Археологической комиссии сегодня хранятся в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН. Это архитектурные планы, разрезы, обмеры, текстовые описания, а для склепов, открытых или исследованных в конце XIX – начале XX в., – фотографии. Особую ценность имеют копии росписей, выполненные Ф.И.Гроссом и М.В.Фармаковским в смешанной технике

⁶³ Ростовцев 1914: 436–507.

⁶⁴ Rostovtzeff 2003.

(акварель, гуашь) в достаточно крупном масштабе. Используя эти копии росписей и современную технику 3D графики несколько петербургских специалистов создали компьютерную серию реконструкций ряда боспорских склепов, представленную в интернете в виде фильмов⁶⁵.

Но вернемся к М.И.Ростовцеву, который с начала 1910-х г. всё глубже входил в изучение истории и памятников Боспорского царства и его взаимоотношений с варварским окружением. Он рассматривал Боспорское царство как государственное объединение эллинистического типа, совмещающее в себе черты эллинской и восточной культур. Одновременно ученый изучал историю и памятники Скифии, придавая большое значение скифскому, или иранскому субстрату в сложении политических и культурных традиций населения Северного Причерноморья античной эпохи. Сложившуюся концепцию о скрещении эллинизма с иранством на юге России М.И.Ростовцев впервые изложил в докладе на Лондонском конгрессе историков 1913 г. «Iranism and Ionism in South Russia»⁶⁶, позднее переработанном в научно-популярную книгу, изданную на русском и английском языках⁶⁷. В том же году был опубликован труд английского ученого Эллина Миннса «Scythians and Greeks»⁶⁸, давший импульс дальнейшим исследованиям русского ученого о памятниках юга России.

Весь собранный и скрупулезно проанализированный материал вошел в фундаментальный труд М.И.Ростовцева «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства», более известный как «Скифия и Боспор»⁶⁹. Книга планировалась как двухтомник⁷⁰ – анализ источников (письменных и археологических) и изложение истории. Второй том М.И.Ростовцев написал по-немецки, так как планировал издать его в Германии и даже успел отправить туда рукопись еще до начала Первой мировой войны. Начавшаяся мировая бойня, приведшая к революции и гражданской войне в России, а затем и эмиграции Ростовцева в 1918 г., перечеркнула планы и русского, и немецкого изданий. «Скифия и Боспор: критическое обозрение памятников литературных и археологических» (1925) была опубликована на русском языке толь-

ко в виде первого тома⁷¹, который в 1931 г. вышел в Германии в немецком авторизованном переводе хранителя Эрмитажа Е.М.Придика⁷².

Обстоятельный анализ письменных и археологических источников о Северном Причерноморье античной эпохи позволил М.И.Ростовцеву выделить хронологические пласты в истории и культуре Боспорского царства и его «варварского» окружения. Им была разработана периодизация эпохи расцвета античной культуры в Причерноморье и намечена динамика исторического развития греческих государств. Ученый предложил оригинальную концепцию роли скифов в истории Боспора и влиянии Боспора на исторические процессы, протекавшие в Скифии. М.И.Ростовцев не ограничивался анализом результатов раскопок греческих городов и их некрополей, а обратился к памятникам отдаленных территорий «варварского» хинтерланда. Автор попытался вычленил и дифференцировать локальные варианты культур скифской эпохи и памятники «смешанного типа», которые можно связать с местным эллинизированным населением. Особое внимание М.И.Ростовцев уделил изучению феномена «припонтийского» культурного синтеза как результата взаимодействия греческой и «варварской» культур. Поэтому одной из задач русской археологии ученый считал «систематическое издание отдельных крупных находок, особенно отдельных больших курганов и групп курганов, сопровождаемое их тщательным исследованием» и «систематическое опубликование археологического материала отдельных некрополей греческих городов», в том числе изучение расписных склепов⁷³.

Монографию должен был иллюстрировать роскошный трехтомный атлас южно-русских древностей «Памятники Скифии и Боспора», средства на издание которого ассигновала в 1917 г. Академия наук, действительным членом которой Ростовцев был избран в том же году⁷⁴. Первый том атласа должен был включать и памятники античной декоративной живописи Боспорского царства⁷⁵.

Спешный отъезд за границу в 1918 г. перекрыл для М.И.Ростовцева доступ к материалам археологических раскопок памятников Северного Причерноморья, к фондам музеев, библиотек и архивов, к новейшей научной литературе. Свою оторванность от России и оставшихся на родине друзей и коллег ученый переживал крайне болезненно, приняв американское гражданство лишь в 1929 г.⁷⁶

⁶⁵ Виноградов, Швембергер 2009; Logdacheva, Vinogradov, Shvemberger, Borisov 2011; Борисов, Виноградов, Логачева, Швембергер 2012. См. также: URL: <http://www.bosporuscrypt.ru/>; <http://www.3DMultimediaLab.com>.

⁶⁶ Ростовцев 1913.

⁶⁷ Ростовцев 1918; Rostovtzeff 1922.

⁶⁸ Minns 1913.

⁶⁹ Ростовцев 1925.

⁷⁰ Rostowzew 1993.

⁷¹ Ростовцев 1925.

⁷² Rostovtzeff 1931.

⁷³ Ростовцев 1993: 29.

⁷⁴ Тункина 1997b: 87, 90–91.

⁷⁵ Тункина 1997b: 91–92.

⁷⁶ Тункина 1997b: 109.

Фундаментальные труды М.И.Ростовцева стали высшим достижением дореволюционной русской археологии. Во время частых заграничных поездок М.И.Ростовцев, прежде всего, уделял внимание установлению тесных личных контактов с европейскими коллегами, которые способствовали знакомству с передовой методикой раскопок и основными результатами археологических исследований в Средиземноморье, работе в музеях и библиотеках. Он научился с чисто археологической точки зрения видеть и понимать памятники, как учили Н.П.Кондаков и А.Мау. Таким образом, феномен личности и творчества М.И.Ростовцева объясняется его научными корнями – синтезом идей и методов, полученных от школы «фактопоклонников» Н.П.Кондакова, и полевыми и кабинетными практиками, заимствованными им в годы стажировок в западноевропейских научных учреждениях, прежде всего в стенах Римского отделения Германского археологического института. Результаты своих исследований М.И.Ростовцев, как правило, сначала издавал на русском языке, затем на одном из западноевропейских. Его дореволюционные труды способствовали знакомству ученых всего мира с замечательными памятниками Северного Причерноморья античной эпохи, а его имя стало широко известным научному миру Европы еще до 1914 г.

SUMMARY

M.I.Rostovtsev at the Junction of Russian and German
Classical Archaeology before the First World War
by I.V.Tunkina (St.-Petersburg)

There is a historiographic cliché in West-European science stating that main ideas and concepts, which helped M.I.Rostovtsev (1870–1952) to become a classic of world study of antiquity, were formed only after his emigration, as exactly in USA he got the most favourable conditions for his studies. However examination of his works evidently disproves these artificial inventions of historiographers. Thanks to his teacher N.P.Kondakov (1844–1925) Rostovtsev adopted a scientific approach of processing archaeological data and a width of historical and archaeological problems statement, realization of necessity of studying not only Greek, but also a nomadic substratum of South Russia in accordance with archaeological materials. During his foreign trips M.I.Rostovtsev established close relations with German colleagues, examined advanced methods of excavations and main results of archaeological explorations in the Mediterranean. The phenomenon of M.I.Rostovtsev's personality and works is explained by his

scientific background being a synthesis of ideas and methods, received from N.P.Kondakov's school of "worshippers of facts", and field and theoretical practices, borrowed by him during years of training at Athenian and Roman departments of German archaeological institute.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ашик 1845 – *Ашик А.Б.* Керченские древности. О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса, 1845.
- Бонгард-Левин 1997 – *Бонгард-Левин Г.М.* Автобиографические материалы М.И.Ростовцева // Скифский роман. М., 1997. С. 43–49.
- Борисов, Виноградов, Логдачева, Швембергер 2012 – *Борисов Н.В., Виноградов Ю.А., Логдачева Е.В., Швембергер С.В.* Трехмерные компьютерные реконструкции расписных склепов Боспора Киммерийского // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 15 Искусствоведение. 2012. Вып. 1. С. 144–154.
- Бузескул 2008 – *Бузескул В.П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / Сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. и библиогр. словарь-указ. И.В.Тункиной. М., 2008.
- Виноградов 1995 – *Виноградов Ю.Г.* Переписка М.И.Ростовцева с Хр.Хьюльзеном, Э.Петерсенем и Р.Дельбрюком: из архива Римского отделения Германского археологического института // ВДИ. 1995. № 2. С. 204–211.
- Виноградов, Швембергер 2009 – *Виноградов Ю.А., Швембергер С.В.* Новое в изучении боспорских расписных склепов (двойной склеп 1873 г.) // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. СПб., 2009. С. 152–155.
- Зуев 1997а – *Зуев В.Ю.* Рукописное наследие М.И.Ростовцева в архивах России: краткий обзор // Скифский роман. М., 1997. С. 17–23.
- Зуев 1997б – *Зуев В.Ю.* М.И.Ростовцев. Годы в России: биографическая хроника // Скифский роман. М., 1997. С. 50–83.
- Зуев 1997с – *Зуев В.Ю.* Материалы к библиографии М.И.Ростовцева // Скифский роман. М., 1997. С. 200–230.
- Зуев, Тункина 2003 – *Зуев В.Ю., Тункина И.В.* Материалы к библиографии М.И.Ростовцева: addenda et corrigenda // Парфянский выстрел. М., 2003. С. 721–727.
- Клейн 2011 – *Клейн Л.С.* История археологической мысли. СПб., 2011. Т. 1.
- Кулаковский 1891 – *Кулаковский Ю.А.* Древности Южной России. Керченская христианская катакомба 491 года. СПб., 1891. (МАР; 6).
- Кулаковский 1896 – *Кулаковский Ю.А.* Древности Южной России. Две керченские катакомбы с фресками. СПб., 1896 (МАР. 19).
- Пучков 2004 – *Пучков А.А.* Юлиан Кулаковский и его время. СПб., 2004.
- Ростовцев 1894 – *Ростовцев М.И.* О новейших раскопках в Помпеях // ЖМНП. 1894. № 1. С. 45–64 (отд. класс. филол.); № 2. С. 65–101 (отд. класс. филол.).
- Ростовцев 1896: *Ростовцев М.И.* Помпеи за 1893–1895 гг. // ЗРАО НС. 1896. Т. 8. Вып. 3–4. С. 307–393.

Ростовцев 1897 – *Ростовцев М.И.* Заметка о росписях керченских катакомб // ЗРАО. НС. 1897. Т. 9. Вып. 3–4. С. 291–298.

Ростовцев 1906 – *Ростовцев М.И.* Керченская декоративная живопись и ближайшие задачи археологического исследования Керчи // ЖМНП. 1906. № 5. (Отд. 5). С. 211–231.

Ростовцев 1909а – *Ростовцев М.* Август Мау: некролог // Гермес. 1909. № 4. С. 279–282.

Ростовцев 1909б – *Ростовцев М.И.* Август Мау: некролог // ЖМНП. 1909. № 5. (Отд. 4). С. 30–34.

Ростовцев 1910 – *Ростовцев М.И.* Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж // Записки классического отделения Императорского Русского археологического общества. 1910. Т. 6. С. 1–144.

Ростовцев 1913 – *Ростовцев М.И.* Iranism and Ionism in South Russia, St. Petersburg, 1913.

Ростовцев 1913–1914 – *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. Т. 1: Описание и исследование памятников. Текст. 1914; Атлас. 1913.

Ростовцев 1917 – *Ростовцев М.И.* Мифологический пейзаж третьего помпейского стиля // Сборник статей в честь В.К.Мальмберга. М., 1917. С. 47–55.

Ростовцев 1918 – *Ростовцев М.И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.

Ростовцев 1924 – *Ростовцев М.И.* Странички воспоминаний // Никодим Павлович Кондаков, 1844–1924. К восьмидесятилетию со дня рождения. Прага, 1924. С. 23–29 = // *Кондаков Н.П.* Воспоминания и думы / Сост., подгот. текста, примеч. И.Л.Кызласова. М., 2002. С. 211–216.

Ростовцев 1925 – *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. [Л.], 1925.

Ростовцев 1993 – *Ростовцев М.И.* Классические и скифские древности северного побережья Черного моря / Подгот. текста, публикация и коммент. И.В.Тункиной. СПб., 1993, С. 76–87 (ПАВ. 5).

Ростовцев 1997 – *Ростовцев М.И.* Никодим Павлович Кондаков: к 50-летию научной деятельности // Скифский роман. М., 1997. С. 432–433.

Толстой, Кондаков 1889–1899 – Русские древности в памятниках искусства, издаваемые гр. И.Толстым и И.Н.Кондаковым. СПб., 1889–1899. Вып. 1–6.

Тункина 1997а – *Тункина И.В.* Документы М.И.Ростовцева в Санкт-Петербургском архиве Российской Академии Наук // Скифский роман. М., 1997. С. 24–34.

Тункина 1997б – *Тункина И.В.* М.И.Ростовцев и Российская академия наук // Скифский роман. М., 1997. С. 84–123.

Тункина 1997с – Письма М.И.Ростовцева С.А.Жебелеву, Ф.И.Успенскому и Н.Я.Марру / Публикация И.В.Тункиной // Скифский роман. М., 1997. С. 369–415.

Тункина 2001 – *Тункина И.В.* Материалы к биографии Н.П.Кондакова // Никодим Павлович Кондаков: личность, научное наследие, архив / И.Д.Соловьева (ред.). СПб., 2001. Р. 9–23.

Тункина 2002 – *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.

Тункина 2004 – *Тункина И.В.* (изд.) Академик Н.П.Кондаков: последние годы жизни: (по материалам эпистолярного наследия) // Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга / И.П.Медведев (ред.). СПб., 2004. С. 641–765.

Тункина 2013 – *Тункина И.В.* Трагическая судьба третьего тома «Иконографии Богоматери» академика Н.П.Кондакова // Античная древность и Средние века: Сб. науч. трудов. Вып. 41. К 80-летию д.и.н. проф. Н.А.Поляковой. Екатеринбург, 2013. С. 354–364.

Фролов 2006 – *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности: историограф. очерки. СПб., 2006.

Dow 1960 – *Dow S.* The Social and Economic History of the Roman Empire: Rostovtzeff's Classic After Thirty-Three Years // The American Historical Review. 1960. Vol. 65, N 3. P. 544–553.

Foletti 2008 – *Foletti I.* The Last Kondakov: Rediscovery of a Manuscript // Orientalia Christiana Periodica. 2008. Vol. 74. P. 495–502.

H. M. L. 1953 – *L[ast] H.M.* Professor M.I.Rostovtzeff: Obituary // JRS. 1953. Vol. 43. P. 133–134.

Heinen 2010 – *Heinen H.* Besprechung: V.P.Buzeskul. Vseobschaja istorija i ee predstaviteli v Rossii v XIX i načale XX veka / Hrsg. von I.V.Tunkina, Moskau, Indrik, 2008 // Klio. 2010. Bd. 92. No. 1. S. 265–266.

Jones 1953 – *Jones A.H.* Michael Ivanovitch Rostovtzeff (1870–1952) // Proceedings of the British Academy. 1953. Vol. 38. P. 347–361.

Klejn 1999 – *Klejn L.* Nikodim Pavlovich Kondakov // Encyclopedia of Archaeology: The Great Archaeologists / T.Murray (ed.). Santa Barbara; Oxford, 1999. P. 165–174.

Klejn 2001 – *Klejn L.* Kondakov, Nikodim Pavlovich (1844–1925) // Encyclopedia of Archaeology: History and Discoveries. Santa Barbara; Oxford, 2001. Vol. 2. P. 768–769.

Kondakov, Tolstoï, Reinach 1891–1893 – *Kondakov N., Tolstoï J., Reinach S.* Antiquités de la Russie méridionale. P. 1891–1893. Livr. 1–3.

Kondakov 2011 – *Kondakov N.P.* Iconographie de la Mère de Dieu. IIIe tome / I.Foletti (ed.). Roma, 2011. T. 3.

Logdacheva, Vinogradov, Shvemberger, Borisov 2011: *Logdacheva E., Vinogradov Yu., Shvemberger S., Borisov N.* 3D Reconstructions of Cimmerian Bosphorus Painted Crypts / URL:http://ewic.bcs.org/upload/pdf/ewic_ev11_s10paper3.pdf

Marcone 1988 – *Marcone A.* Michele Rostovtzeff e l'Instituto Archeologico Germanico di Roma: la corrispondenza con Christian Hülsen (1894–1927) // Critica Storica. 1988. 16. Vol. 2. P. 339–350.

Marcone 1992 – *Marcone A.* Pietroburgo – Roma – Berlino: l'incontro di M.I.Rostovtzeff con l'Altertumswissenschaft tedesca // Historia. 1992. Bd 41. P. 1–13.

Marcone 2008 – *Marcone A.* Rostovtzeff e l'Italia // Michel Ivanovitch Rostovtzeff / J.Andreau, W.Berelowitch (éd.). Bari, 2008, P. 125–126.

Marcone (ed.) 1999 – Rostovtzeff e l'Italia: Atti del Convegno di Gubbio del 25–27 maggio 1995 / A cura di A.Markone. Napoli, 1999.

Mau 1879 – *Mau A.* Pompejanische Beiträge. B., 1879.

Mau 1882 – *Mau A.* Geschichte der decorativen Wandmalerei in Pompeji. B., 1882.

- Mau 1893 – *Mau A.* Führer durch Pompeji. Neapel, 1893.
- Mau 1900 – *Mau A.* Pompeji in Leben und Kunst. Lpz., 1900.
- Meyer 2009 – *Meyer C.* Rostovtzeff and the Classical Origins of Eurasianism // *Anabases*. 2009. N 9. P. 185–198.
- Minns 1913 – *Minns E.H.* Scythians and Greeks: A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Camb., 1913.
- Minns 1915 – *Minns E.H.* Review: Antichnaja Dekorativnaja Zhivopis' na Juge Rossii = Antique Decorative Painting in South Russia / By M.I. Rostovtzev. SPb.: Imperial Archaeological Commission, 1914 // *JHS*. 1915. Vol. 35. P. 143–147.
- Momigliano 1966 – *Momigliano A.D.* M.I. Rostovtzeff // *Studies in Historiography*. L., 1966. P. 91–104 (Chapter 5). – *Idem* // *Contributo alla storia degli studi classici e del mondo antico*. Roma, 1955. P. 341–354.
- Nissen 1877 – *Nissen H.* Pompeianische Studien zur Städtekunde des Altertums. Lpz., 1877.
- Rostovtzeff 1919 – *Rostovtzeff M.* Ancient Decorative Wall-Painting // *JHS*. 1919. Vol. 39. P. 144–163. Pl. VI–IX.
- Rostovtzeff 1922 – *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxf., 1922.
- Rostovtzeff 1931 – *Rostovtzeff M.I.* Skythien und der Bosphorus. B., 1931. Bd. 1: Kritische Übersicht der schriftlichen und archäologischen Quellen.
- Rostovtzeff 2003 – *Rostovtzeff M.I.* La peinture décorative antique en Russie Méridionale. Saint-Petersbourg, 1913–1914. Vol. I: Texte. Description et étude des monuments. Vol. 2: 112 planches / A. Barbet (dir.). P., 2003–2004 (*Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres*; T. 28).
- Rostowzew 1904 – *Rostowzew M.* Pompeianische Landschaften und römische Villen // *Jahrbuch des Kaiserlichen Deutschen Archaeologischen Instituts*. 1904. Bd. 19. S. 103–126.
- Rostowzew 1911 – *Rostowzew M.* Die hellenistisch-römische Architekturlandschaft // *MDAI RA*. 1911. Bd. 26. S. 1–185. Taf. I–XI.
- Rostowzew 1993 – *Rostowzew M.* Skythien und der Bosphorus. Stuttgart, 1993. Bd. II: Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes / H. Heinen (Hrsg.).
- Tunkina 2008 – *Tunkina I.V.* From M.I. Rostovtzeff's Archival Heritage: St. Petersburg and Trier // *Michel Ivanovitch Rostovtzeff / J. Andreau et W. Berelowitch (éd.)*. Bari, 2008. P. 89–95.
- Tunkina 2014 – *Tunkina I.V.* Rostovtzeff entre archéologies russe et allemande avant 1914 // *L'héritage germanique dans l'approche du décor antique: Actes de la table ronde organisée à l'École normale supérieure le 23 novembre 2012 / Édité par Hélène Eristov et Florence Monier*. Bordeaux: Ausonius, 2014. P. 97–114 (*Ausonius Pictor 2-2014*. Collection de l'AFPMA).
- Welles 1956 – *Welles C.B.* Michael I. Rostovtzeff // *Architects and Craftsmen in History: Festschrift für Abbott Payson Usher*. Tübingen, 1956. P. 55–73 (*Veröffentlichungen des List Gesellschaft*; Bd. 2).
- Wes 1988 – *Wes M.* The Russian Background of the Young Michael Rostovtzeff // *Historia*. 1988. 37. P. 207–221.
- Wes 1990 – *Wes M.* Michael Rostovtzeff, Historian in Exile: Russian Roots in an American Context. Stuttgart, 1990 (*Historia: Einzelschriften*; Hf. 6).